

AMERICAN CONTRIBUTIONS TO THE
SIXTH INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS

VOLUME I

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

80

1968

MOUTON
THE HAGUE • PARIS

AMERICAN CONTRIBUTIONS
TO THE
SIXTH INTERNATIONAL
CONGRESS OF SLAVISTS

Prague, 1968, August 7-13

VOLUME I:
LINGUISTIC CONTRIBUTIONS

edited by

HENRY KUČERA

Brown University

1968

MOUTON
THE HAGUE • PARIS

© Copyright 1968 in The Netherlands.
Mouton & Co. N.V., Publishers, The Hague.

No part of this book may be translated or reproduced in any form, by print, photoprint, microfilm, or any other means, without written permission from the publishers.

LIBRARY OF CONGRESS CATALOG CARD NUMBER: 68-57400

Printed in The Netherlands by Mouton & Co., Printers, The Hague.

Dedicated to the memory of

HAROLD L. KLAGSTAD, JR. (1921-1967)

and

URIEL WEINREICH (1926-1967)

PREFACE

This volume includes the linguistic papers prepared by American scholars for the Sixth International Congress of Slavists which was held in Prague from the 7th to the 13th of August, 1968. With only a few exceptions, the papers contained in this book were presented in a brief summary form in Prague. It is expected that the discussions which took place after the presentation of individual papers will be published in the Congress proceedings.

Those of us who participated in the Prague Congress will, I am sure, not soon forget it. The organizational success, the large attendance and the stimulating discussions can certainly be a source of pride to our Czechoslovak colleagues who organized the meetings. But, because of the accident of its timing, the Congress also took place at the height of an atmosphere of enthusiasm and of expectations of a better future which then prevailed in all of Czechoslovakia and which was as readily apparent in the halls and corridors of the Congress as in the streets of Prague. At this Slavic Congress, at long last, the freedom of the discussions in our meetings was in consonance with the atmosphere of the city in which we were gathered.

It is especially from this perspective that the tragic events which began in Czechoslovakia on the 21st of August, 1968 and which still remain unresolved as this book goes to press, have had a particularly strong and saddening impact on those of us who could witness the actual and the spiritual Czechoslovak summer of early August. It is perhaps not inappropriate, therefore, to express on this occasion our appreciation to our Czechoslovak colleagues for the joyful and hospitable days which we had the privilege of spending in their capital city, as well as our admiration to them for their courage and perseverance in the tragic weeks which so closely followed the Congress. Expressions of our support go to them together with our hope of a better future for their country.

In conclusion, I would also like to express my thanks to my colleagues at Brown University, particularly to Robert Mathiesen, for their assistance with some of the editorial chores, and to the publishers, Mouton and Co., for their promptness and cooperation in publishing the preprints of the papers and this book.

October, 1968

HENRY KUČERA

CONTENTS

Preface	5
<i>Robert Abernathy</i>	
The Slavic Liquid-Metatheses	9
<i>Георх Бирнбаум</i>	
Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структур- ных разновидностях старославянского предложения	29
<i>Paul L. Garvin</i>	
Russian Lexical Units in the Light of Machine Translation Research	65
<i>Zbigniew Golab</i>	
The Grammar of Slavic Causatives	71
<i>Герта Хютль Ворт</i>	
Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка	95
<i>Р. Якобсон</i>	
Вопросы сравнительной индоевропейской мифологии в свете славянских показаний	125
<i>D. Barton Johnson</i>	
Toward a Typology of the Slavic Verb: The Verbs of Body Position	129
<i>Henry Kučera</i>	
Some Quantitative Lexical Analyses of Russian, Czech and English	155

<i>Rado L. Lencek</i>	
The Theme of the Greek Koine in the Concept of a Slavic Common Language and Matija Majar's Model	199
<i>Thomas F. Magner</i>	
Post-Vukovian Accentual Norms in Modern Serbo-Croatian .	227
<i>Ladislav Matějka</i>	
On Translating from Latin into Church Slavonic	247
<i>Lew R. Micklesen</i>	
Impersonal Sentences in Russian	275
<i>Михаил Шаниро</i>	
Заметки по ударению заимствованных слов в современном русском языке	333
<i>C. H. van Schooneveld</i>	
On the Opposition Determinate-Indeterminate in the Contem- porary Standard Russian Verb	351
<i>Edward Stankiewicz</i>	
The Accent Patterns of the Slavic Verb	359
<i>Кирилл Тарановский</i>	
Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI-XIII вв.	377
<i>Dean S. Worth</i>	
"Surface Structure" and "Deep Structure" in Slavic Morphology	395

THE SLAVIC LIQUID-METATHESES

ROBERT ABERNATHY

1. PRELIMINARY REMARKS

The family of sound-changes which are commonly placed under some such heading as the above constitutes an exceptionally interesting chapter of linguistic prehistory from a theoretical standpoint, in that they raise crucial questions of at least two kinds:

(1) On the *prima facie* evidence (i.e. comparing reconstructed Indo-European antecedents of Slavic forms with their recorded and contemporary shapes) the changes which seem to have occurred are of a kind difficult to account for in terms of some versions of diachronic linguistic theory. Indeed, an influential body of opinion holds, in effect, that such changes are impossible, hence that the Slavic data must be in a sense illusory.

(2) The eventual outcomes of these developments, taken together, exhibit such a striking picture of unity in diversity that it is only natural to seek, behind specific differences, an essentially homogeneous evolutionary trend manifested by locally varied responses. E.g. such diverse cognates as Russian *sereda*, Serbocroatian *srijeda*, Czech *středa*, Polish *środa* nevertheless present a solid front vis-à-vis extra-Slavic cognates such as Latvian *serde*, Lithuanian *šerdis*, and more remotely related forms such as English *heart*, in that all the Slavic forms seem to reflect a common tendency to dispense with the cluster /rd/. But detailed reconstruction indicates that this common feature cannot simply be referred to a unique change operating on a single ancestral form at a given point in the evolution of Slavic, may even be better accounted for in terms of superficially quite different changes or sequences of changes designed, as it were, to bring about typologically similar results. In such a case it seems reasonable to speak of a problem of *motivations*, in contrast to that of *mechanisms* of change raised by point (1); in the latter case, the questions naturally posed begin with "How?", in the former case with "Why?".

The two kinds of question are plainly interrelated in manifold ways, since answers to either strongly determine the availability of hypotheses in connection with the other. In the last analysis, the distinction between points (1) and (2) may have no more than heuristic value, but this need not deter one from making use of it.

In turn, solutions to these linguistic problems are important for possible inferences about extralinguistic matters, since alternative reconstructions may entail widely different views about population shifts or other social regroupings within the Slavic community during the period shortly before consecutive documentation begins. Here the “How?” questions relate primarily to the delineation of significant divisions within preliterary Slavdom, the “Why?” ones rather to the ways in which this Slavdom continued to be in some sense unitary.

There is an abundant and diverse literature on this topic, spanning a hundred years or more, and variously responsive to the above-noted challenges. Much progress has been made in assembling and interpreting the relevant facts — which by this time can be supposed to be essentially complete, in that it is highly unlikely that any new dialect representing a hitherto unknown branching of the process in question will now come to light, and in that there is substantial agreement about what data are in fact relevant — and, in the modern period especially, in elucidating the important roles of relative chronology and structural interrelations within the evolving system. We have, for example, come a long way from the confusion evident in a footnote by Gebauer (1894), casually explaining correspondences like Russian *moloko* : Czech *mléko* in terms of an East Slavic change of *telet to *tolot! If, notwithstanding, there still exist far-reaching differences of opinion among qualified scholars about the mechanisms and motivations which should be seen as operative in these phenomena, this is a clear indication that such differences rest not, as in the proverbial example of the blind men and the elephant, upon accidents of data-gathering, but upon different theoretically-based views of the same subject matter: the elephant is in plain sight, but, — as in the likewise venerable anecdote about an international competition for essays dealing with the animal, — there are still many ways of looking at an elephant.

It is not the aim of this paper to survey this literature or to attempt detailed criticism of particular proposed reconstructions; neither do I intend here to propose yet another rewriting of the linguistic prehistory at issue (insofar as substantive conclusions may be drawn, particularly in § 4, they will tend rather to confirm certain views long current, if not

universally accepted). Rather, I intend first to point out some ways in which the treatment of this problem is strongly dependent upon theoretical presuppositions which, in the special literature, generally remain tacit, but which amount to universal assumptions about the mechanisms of phonological change (§ 2) and which have radical consequences for the form of specific reconstructions of the process which took place in Slavic; and, secondly (§ 3), to show that widely-accepted hypotheses about the motivation of these changes fall short of the ideal objective of providing, in conjunction with given assumptions about available mechanisms of change, necessary and sufficient premises determining the set of de facto outcomes of the process envisaged. Finally, in § 4, I wish to suggest a view of the motivation problem which may shed new light on certain perennially troublesome "marginal" phenomena (variously idiosyncratic outcomes in Polabian-Pomeranian, in traces of submerged Bulgaro-Macedonian dialects reflected by survivals in Old Church Slavonic and Middle Bulgarian texts, and also throughout East Slavic). These are usually regarded as more or less inexplicable deviations superimposed upon the typical central Slavic development; they can, I think, be better seen as an understandable earlier phase of the process culminating in the "typical" outcomes.

2. MECHANISMS OF CHANGE

One reason for a diversity of views on the Slavic liquid-metatheses is that different investigators start from different premises about the possible range and variety of phonological changes. Such premises are almost never explicitly discussed in the context of concern with the specific material, but often become apparent from the solutions advanced and the character of plausibility arguments adduced in their support.

What is involved is basically a choice among models which are or are not held to be appropriate to the description of the phenomena. If, for example, a suitable general representation of a phonological change is a rule of the form $ZXW \rightarrow ZYW$ (or, in factored form, $Z(X \rightarrow Y)W$), where X, Y, Z, W are sequences of phonological segments, then it is a question of ascertaining what, if any, restrictions can be placed upon this rather unstructured algebraic scheme that will answer to limitations existing in fact, i.e. to substantive universals of linguistic change.

More concretely, it is often assumed that admissible diachronic rules include at least ones having the following effects:

- I. Replacement of a segment by a different segment: $Z(A \rightarrow B)W$.
- II. Insertion of a segment in a given sequence: $Z(\rightarrow A)W$.
- III. Deletion of a segment in a given sequence: $Z(A \rightarrow)W$.
- IV. Transposition of two segments: $Z(AUB \rightarrow BUA)W$.

Here A and B stand for single segments, Z, W, and U for sequences (possibly null). Further types, such as fusion and fission rules (replacing two or more segments by one or vice versa) might be added, but for present purposes it will suffice to consider the above generally recognized varieties. (Cf., e.g., the similar enumeration by Osgood and Sebeok, 1965, who try to estimate the frequency with which various kinds of changes occur, ranking them I, III, IV, II. The classification is also identical with the Latin grammarians' classification of the four types of "barbarism": *inmutatio*, *adiectio*, *detractio*, *transmutatio*.)

Clearly, the above formulas are by no means independent, in the sense that it is not the case that a given arbitrary transformation can be carried out by one and only one sequence of rules of the prescribed kinds. This means that, insofar as the formal apparatus is intended to bear a direct empirical interpretation, there are in general different ways of accounting for given de facto changes. Of special interest in the present connection, a rule of type IV can be replaced by various sequences of rules of types I-III only; e.g. a rule $AB \rightarrow BA$ is equivalent as to end-results to a sequence:

- (1) $A(B \rightarrow B')$
- (2) $(A \rightarrow B)B'$
- (3) $B(B' \rightarrow A)$

where B' is a segment such that AB' and BB' do not occur in the language to which the rules are to apply. In particular, if AA , ABA and ABB do not occur, we can let $B' = A$ and dispense with rule (3). Similarly, transpositions can be carried out by appropriate sequences of insertion and deletion rules (types II and III) only.

These merely algebraic observations are highly relevant to a number of differences of opinion over the diachronic description of the Slavic liquid-metatheses, in that these frequently hinge on the adoption or rejection of type IV as a canonical form for sound-change rules. The substantive claims made differ accordingly: in the one case, it is supposed that at least some of the Slavic changes represent true metatheses (an ancestral *gordu, say, is supplanted by *grodu in a succeeding state of language, with no intermediate stages); in the other, "metathesis" must be simulated by some sequence of changes of other kinds (e.g. *gordu becomes

*gorōdu or the like, with an interpolated vowel, and this subsequently goes by deletion to *grōdu and this finally, by a replacement rule, to *grodu). Examples of explanations of the first sort, with metathesis, are those given by Jakobson (1929 and 1952), Vaillant (1950), Bernštejn (1963), Shevelov (1965); of the second kind, with simulated metathesis only, by Meillet (1934), Žuravlev (1963), Mareš (1965), (with some reservations in the last instance, since Mareš' version can perhaps be construed as involving at least two distinct levels of representation, on one of which metathesis is not possible, while on the other it is), Kolomijec' (1963, and also in Mel'nyčuk, 1966). A system curiously transitional between these two varieties is that of Lehr-Splawiński (1931), which appears to admit transposition of vowel segments, but not transpositions such as VL → LV; this is essentially a discrete-case reworking of Ekblom's theoretically continuous-case treatment of 1927-28, on which cf. below. There are, of course, numerous incidental differences of detail among the accounts alluded to. The point here is, however, that important substantive divergences among competing accounts are very often just consequences of an initial choice of models basically at odds in the sense pointed out above. This choice, moreover, is surely tantamount to a hypothesis about universals of linguistic change, simply on the grounds that, if metatheses occur anywhere as regular processes of change, then they occur in Slavic (the only viable reason for not invoking type IV rules here would seem to be that no type IV rules are available).

Reasons for preferring one or another kind of model are, in this literature, ordinarily passed over in silence or taken for granted. In principle, exclusion of type IV rules would be desirable as a step toward overcoming non-uniqueness of reconstructions, by excluding a priori some (though certainly not all) competing solutions to given problems. But it should be noted that the mere logical eliminability of a rule-format cannot be taken as grounds for abolishing it — witness the fact that type I rules (replacements) are also technically superfluous, in that the same results can be obtained by sequences of rules involving only deletion and insertion; yet it seems unlikely that anyone would wish seriously to defend such a reduction with reference to the intended empirical interpretation. The reductionism of systems with simulated metathesis likewise entails a certain cost in typological credibility, because of the necessity of postulating what might be called "strange states" of language as transitional steps between starting-point and conclusion of the changes thus treated; that is, the language must pass through phases involving a temporary proliferation of distinct segments which serve merely to

mediate the process (like the B' in the schematic example of p. 12), and which are very peculiar distributionally, like the somewhat mysterious "voyelles intercalaires" in Meillet's reconstruction — cf. Jakobson's (1952) criticism of Sørensen (1952) for the similar use or abuse of a "fictitious phoneme" — or which have dubious typological credentials, like the at least eight (!) distinct syllabic liquids required for the crucial phase of Žuravlev's version. The open-ended and uncertain nature of typological criteria means, to be sure, that they do not furnish unequivocally binding conclusions about the viability of reconstructions. But it is almost a foregone conclusion that systems with simulated metathesis must pay some price in these terms. More precisely, this follows from the limitations on admissible changes in conjunction with the data to which these apply; e.g. in the illustration of p. 13 it is not possible simply to eliminate the "strange" segment *ǫ by, say, identifying it with an ordinary *o, if there exist any sequences *torot which do not subsequently go to *trot; and thus, if this reconstruction is intended to explain the outcomes in Polish, identification of *ǫ with *o would mean that forms such as *połowa*, *kołowy*, *kołowrót* (beside e.g. *plowy*, *głowa*, *przekłwuszy*), and similarly e.g. *bierzesz* (: *brzoza*) become problematic exceptions which can at best be disposed of by fairly elaborate assumptions about the effects of morphological boundaries (so that the price is paid in any case, perhaps in a different currency). The question thus seems to be whether the universal assumption (that there are no type IV changes) justifies itself in practice; the Slavic test case, surely a very important one for the general theory, appears to leave this very much in doubt.

Actually, the perennial popularity of explanations involving simulated metatheses appears to stem, in large part, from a background more or less irrelevant to their status from the standpoint of present-day theory. As Hoenigswald (1963) remarks: "The doctrine of the special unruliness of dissimilations, metatheses, etc., occupies a peculiar position in the history of linguistics", a position which is, as the same author elsewhere notes (1960), connected with the difficulties which changes of the kinds alluded to create for the view of sound-change as a necessarily "gradual" process which dominated prestructuralist thinking on the subject (cf., to this point, also my 1963 paper with a discussion of "moving-particle" models for paradigmatic change). But the Slavic "metatheses", however they came about, are highly lawful and regular; they can on no account be consigned to a limbo of "sporadic" changes. The theoretical crux this Slavic evidence provokes was rather clearly recognized by Ekblom in his 1927 monograph on the tort-groups (almost the last major work on the

topic written from the "gradualist" point of view), who drew the apparently ineluctable conclusion that these changes could not be "eine Metathese im gewöhnlichen Sinne", but must rather result from "eine gradweise geschehende Lautentwicklung mit zunehmenden bzw. abnehmenden (ev. verschwindenden) vokalischen Elementen um die betreffende Liquida herum oder, wenn man so will, eine Lautentwicklung, die ein Hingleiten des *r*, *l* nach dem Anfang der betreffenden Silbe hin bezeichnet." The kind of continuous-case model called for by this programmatic statement seems never to have been formalized, but there would appear to be nothing intrinsically impossible about it: the process envisaged might be represented in the simplest case say by a formula $V^{1-t}LV^tC$ where the exponents are interpreted as vowel length and t ranges from 0 to 1, with $t=0$ representing the time at which the change begins, $t=1$ that at which it is completed. For more complicated mechanisms this could be appropriately elaborated; e.g. incorporating the classic (though probably incorrect) assumption for South Slavic of a vowel lengthening simultaneous with the displacement of the liquid, one could write $V^{1-t}LV^qC$, so that at $t=1$ there is a long vowel, q times the length of a short vowel (taken as 1) to the right of *L*, and no vowel on the left.

A model of this kind might be open a fortiori to the kind of objection discussed above in connection with simulated metatheses, in that it seems to assert the occurrence not of one or a few, but of infinitely many "strange states" between the beginning and end of a sound-change: e.g. by the second formula above, the ancestry of Old Church Slavonic *gradŭ* must (supposing a long vowel to be twice the length of a short one) include a stage such as $*go^{2/3}ro^{2/3}du$, with two thirds of a normal short vowel (whatever that might mean) on each side of the liquid. Hardly anyone, probably, would wish to accept substantive claims as strong as this, and the realization of such consequences may go some way to explain linguists' more recent loss of interest in continuous-case models in favor of the discrete-case type earlier discussed (a renunciation sometimes pushed to the point of dogma — cf., e.g., Joos, 1950, holding linguistics to be a kind of mathematics which "does not even make any compromise with continuity").

What were above called models with simulated metathesis seem to reflect an endeavor to carry over some of the order properties of the continuum into an algebraic treatment to which they are not clearly relevant. The continuity assumption is replaced by a proviso that all elementary changes must be carried out *salvo ordine*, perhaps in the sense

that they preserve at least a partial ordering of the affected sequences (so apparently Žuravlev) or even a strict partial ordering (Meillet). But it is not clear that there is any good reason to impose such constraints on the model. To use a venerable simile, this is rather as if one were to require the chess knight to accomplish his peculiar move by functioning alternately as a rook and as a bishop, while perhaps allowing him (analogously to the “strange states” noted above) to violate the rule against two pieces occupying the same square.

At all events, the theoretical problem here should be disengaged from irrelevant details, notational conventions, and the like, and considered on its own merits. The kind of solution adopted obviously bears upon the questions of “motivation” to be discussed in the next section (where I shall assume that the models of interest are discrete), at least under the assumption that a motivation related to a sequence of changes should hold good for each step in the process.

3. MOTIVATIONS AND RESULTS

A change might be said to be “motivated” (relative to a given language) in case its application results in the enforcement of certain synchronic structural laws which did not hold for the preexisting state of language. It might be further said to be “well-motivated” just in case it is the only theoretically possible change (with reference, of course, to a given theory about what changes are “possible”) which could bring about the indicated result, or, less strictly, a limited set of results differing in non-essential details.

On these terms, the Slavic developments of present concern are, in relation to frequently suggested reasons for their occurrence, motivated but not well-motivated. It has long been seen, in essence no doubt correctly, that these changes seem to result in enforcement of an “open syllable law” or, — in more flexible language — a principle of “rising sonority” within the syllable or over well-defined phonological sequences, and that generalization in this direction moreover makes the changes in question basically akin to a number of other developments in the long prehistory of Slavic as it developed out of Indo-European: e.g. the thoroughgoing loss of word-final consonants, simplification of consonant-clusters, and homogenization of diphthongs all point, so to speak, in the same direction, in which the language’s evolution appears to have been moving for perhaps two thousand years, until, on the very threshold of the historically recorded period, the trend was almost catastrophically

reversed by the loss of weak jers everywhere in Slavic.

These considerations might be formalized along the following lines: there is a function $f(x)$ which to a segment x assigns one of an ordered set of values (say integers), representing "sonority levels", in such a way that, for example, $f(o) = f(e) > f(i) = f(u) = f(r) = f(l) > f(k) = f(t) = \dots$; in general, there are at least three classes of segments with respect to the given function, comprising "vowels", "semivowels", and "consonants", say. The changes which occurred at a certain stage in Slavic prehistory served to impose on the language the requirement that, for any sequence of segments $x_1 \dots x_n$, if $f(x_{i-1}) > f(x_i)$, then $f(x_{i+1}) > f(x_i)$. Or, in other words, it must nowhere be the case that $f(x_{i-1}) > f(x_i) \geq f(x_{i+1})$. With reference to the latter formula, the principle involved might better be called one of non-falling sonority over stretches of three segments. It is assumed that clusters of consonants proper are, for the purposes of this requirement, a single segment (and the same applies to long vowels if regarded as vowel clusters); the requirement " $\geq$ " (in the negatively expressed formula) rather than " $>$ " is for the sake of the few examples like *borlu 'having struggled', or the borrowed word for 'king'.

This means that non-conforming sequences such as VLC must be eliminated in one way or another. In fact, there are several ways in which this might have come about, and it may be instructive to consider these with reference to various types of changes, of the types enumerated in § 2, which could, and in some cases did, occur.

A. By replacement of a segment in VLC:

(1) $V \rightarrow V'$ such that $f(V') \leq f(L)$. This seems, according to an appealing conjecture of Rozwadowski's, to be what happened to sequences *tort in Pomeranian-Polabian, where these appear to have merged with *turt and thereby become acceptable under the new sequential constraints.

(2) $L \rightarrow L'$ such that $f(L') \geq f(V)$. This would mean that the offending liquid is replaced by a vowel segment: but none of the living or historically recorded Slavic languages appear to reflect such a solution. For typological plausibility, cf., e.g., Serbocroatian *seoba* from *selba*.

B. By insertion of a segment in VLC:

(1) $V(\rightarrow X)L$ such that $f(X) < f(L)$. This apparently does not occur in Slavic. It would mean interpolating a consonant between the V and the L, giving VCLC with a syllabic liquid.

(2) $L(\rightarrow X)C$ such that $f(X) > f(L)$, i.e. $X = V$. This is the explanation commonly given for the Russian pleophony (development of an anaptyctic vowel after the liquid in forms such as *gorod*, *xolod*, *bereg*).

C. By deletion of a segment in VLC:

(1) Delete V (leaving L, presumably, syllabic). (This would be the explanation of the peculiar Pomeranian-Polabian development above-noted, in terms of the reconstruction of Slavic at that period as possessing syllabic liquids — one which has a good deal of traditional sanction, but which is especially implausible for the area involved in this case.)

(2) Delete L. This seems a very simple and straightforward solution, but it does not occur. For its typological plausibility, cf. *inter alia* the fate of liquids in similar configurations in modern English.

(3) Delete C. This would amount to a rather radical operation in some cases (since the C may stand for a whole consonant cluster), but is not wholly implausible as a solution; it does not, however, figure in the Slavic developments. (In general, deletion on the right is certainly one way of eliminating “awkward” clusters, e.g. Polish *niósł, plótl / nūs, plút/*, Russian *nes*, etc., and more radical changes on the same lines, e.g. in Polish dialects, cf. Urbańczyk, *Zarys dialektologii polskiej*, p. 37.)

D. By metathesis on VLC.

(1) VLC → LVC. This is — in the classic reconstruction of the Slavic evolution — regarded as a typical response, possibly characteristic of all Slavic languages saving the East Slavic (and these only for internal VLC, cf. B(2) above) and the “anomalous” fringe areas, of which more later.

(2) VLC → VCL. This would also satisfy the hypothetical motivation, but does not seem to be resorted to anywhere.

These are the only possibilities if metathesis is assumed to be restricted to transposition of adjacent segments. If not — and there is no obviously compelling reason for thus restricting it — we have the additional “solutions” LCV, CVL, and CLV; these would, however, give rather bizarre results in application to actual examples.

Thus there are — without necessarily exhausting the range of logical possibilities, let alone ones which would result from altering the assumed model — at least nine possible kinds of “solution” to the problem of enforcing a newly-promulgated “open syllable law”, and at most, three of these are evident in the *de facto* developments in Slavic. This means that the “law” in question is, by itself, possibly necessary, but certainly not sufficient to explain the actual course of events. To achieve or approximate the ideal end of an explanation that precisely fits the facts, it is evidently necessary either (a) to strengthen the motivation or (b) to introduce stronger restrictions on the kinds of changes available. It is to the former approach that I hope the present paper may make some

contribution. The latter one has often in effect been attempted, but in inappropriate ways, some consequences of which were briefly examined in the preceding section; it is, in fact, difficult to see how any results could be obtained in this way.

Looking for additional motivations, one can perhaps detect some reasons why certain of the hypothetical solutions above would have proved unacceptable, though it is not easy to make these reasons compelling. It is, for instance, evident that the straightforward deletion of L in VLC would have engendered a considerable, perhaps deleterious number of lexical homonymies: one would presumably have had, for example, homonymies involving words for 'going', 'cold', those for 'town', 'hunger', and 'year', with possible dialectal variations in the incidence of such mergers, e.g. in dialects with previous lengthening of the vowel before the liquid, the stems of nouns meaning 'girl' and 'tree' would have become homonymous, but would have remained at least temporarily distinct (as *dĕv- : *dev-) elsewhere. Deletion of C would have led to even more widespread incidence of homonymy, e.g. a root *vor- might have become (dialectally, at least) common to words for 'thief', 'enemy', 'heap', 'gate', etc. Avoidance of homonymy has not infrequently been suggested as a motivation capable of potentiating or inhibiting tendencies to phonological change, though the manner of integrating such a motivation into a coherent theory of such change is not too clear. In a case like the present one, it is certainly not possible to think in terms of a series of ex post facto "homonym reactions" specific to particular lexical items, since these could eventuate only in a spotty picture with the indicated changes being carried through in those particular cases — the majority, after all — in which no specific objections to them existed; rather, one would have to suppose the process as proceeding by a sort of experimental execution of the imminent change (perhaps completely covert and never consciously acknowledged by the contemporary speakers of the language) accompanied by evaluation and consequent rejection of the resultant state of language as a whole, very much along the lines of the foregoing informal discussion. Against attaching such importance to the homonymy-potential of a change one must weigh the fact that, in general, languages demonstrably tolerate a great deal of homonymy for long periods, and, in particular, that the de facto changes in the present case also resulted in some homonymies (e.g. OCS. *gradŭ* 'hail' : *gradŭ* 'town' from *gordu).

Whatever the underlying reasons, the Slavic developments seem to have admitted no solutions which involved abbreviating the no longer admissible sequences VLC (with reservations about alternative reconstruc-

tions of the initially given system, as noted under C(1)). Possibly one can see here an instance of a universal tendency to resort to deletion only when it is — in some sense not easy to determine — a last resort.

In at least one other case, that of the alternative but unrealized solution D(2), reasons for its avoidance also suggest themselves rather strongly, here from consideration of its potential effect on morphological boundaries (and also on canonical shapes of morphemes). By this solution we should expect, e.g., verbal prefixes *per- and *orz- to yield such forms as *pědrati (*pedrati), *azdrati (*ozdrati) beside simplex *dati*, or the verb-stem *bor- to come out with an infinitive *batri (or *botri) and past-active participle stem *balr- (*bolr-)! (In the last instance, and in a handful of other examples, a curious though rather trivial paradox arises in that, by the tentative formalization above given for the operative motivation, the resulting forms are subject to indefinite reapplication of the hypothesized rule, which never yields an acceptable output; this might be eliminated by adopting a slightly different basis for the “law”, say by taking into account a sonority difference between *r and *l.) The imaginary results of this solution appear quite bizarre, but one should not fall into the circularity of supposing that they did not happen just because they are strikingly unlike what did happen — and, though morphophonemic alternations of the kind which would have arisen thus are no doubt not typical, they are by no means impossible; cf. for example Modern Hebrew *hištapel* ‘be lowered’, from the root found in *šafel* ‘be low’ with the prefix *hit-*. Note, also, that obscuration of morphological boundaries and alternations is also to some extent a byproduct of the changes which really occurred; cf. the destructuring of prefixed forms in OCS. *pěrovŭ* ‘cave’, or in Polish *pierzeja* ‘row of houses’, Czech *peřej* ‘rapids’, which latter — pace the usual etymologies relating them to *pírati ‘strike’ — should surely be compared with Lithuanian *perėja*, Latvian *pāreja* ‘passage, transition’.

If by the above analysis the suggested motivations for the developments under examination are inadequate in that they define too large a set of possible “solutions”, it is also true that they are inadequate in the other direction, in failing to account plausibly for all the results actually found in Slavic. This difficulty, and a possible approach to ameliorating it, will be taken up in the following section.

4. THE PROBLEM OF “MARGINAL” DEVELOPMENTS

Proposed solutions of the Slavic metathesis-problem suffer, in addition

to the theoretical difficulties considered in §§ 2-3, from some well-known embarrassments in dealing with certain primary data, namely the apparently aberrant developments reflected in the northwest by the Polabian linguistic remains with what looks like an unmetathesized *tort in forms such as *ggôrd*, and the concurrent evidence of an archaic stratum in Kashub and Polish, and, on the southern fringe of Slavic territory, by the examples — few but unambiguously real, in that there can be no question of dismissing them as mere graphic blunders — of forms with unmetathesized *tolt (→ talt, tal̥t) in Old Church Slavonic and Middle Bulgarian texts. Insofar as these data are taken seriously, as representing alternative developments within Slavic which have, fortunately, not been quite lost to the historical record (and the once frequently-heard suggestion that they be in effect expunged from the record by ascribing them to “foreign influences” is now pretty generally recognized as a makeshift with little to recommend it!), they create problems especially for the identification of motivations. Significant progress has been made toward clarifying the “how” of these developments: in one case, the most attractive solution is that following Rozwadowski’s suggestion of an early merger *tort → *turt, as noted under A(1) in § 3, and for the South Slavic deviant forms the natural supposition is that they reflect a stepwise, rather than simultaneous, implementation of metathesis for different configurations (C)VLC, with *(t)olt being the last to succumb. (So recently Georgiev, 1963, though with ad hoc elaborations to which it is impossible to subscribe.) But the developments thus identified remain seemingly unmotivated; certainly, they are not motivated by the “open syllable law” as such, but rather seem to clash with it, and this has led on occasion to reconstructions employing Procrustean devices (such as reapplication of metathesis just to the relevant configurations, or similarly selective deletion of an anaptyctic vowel otherwise preserved coupled with preservation of an original vowel otherwise deleted) to guarantee enforcement of the “law”, at least for some precarious moment of prehistory, everywhere in Slavic. Such treatments amount to an attempt to derive the “marginal” outcomes in question from the central and historically predominant ones, or from a reconstruction primarily designed to account for the latter, and this seems necessarily to lead to identifying the peripheral phenomena essentially just as unmotivated deviations from a norm.

Jakobson (1952) endeavors to fit these facts into a more coherent picture by pointing out a correlation between the areal incidence of the merger *telt → *tolt (which Lehr-Splawinski, 1932, identified as an old

shift shared by Pomeranian-Polabian and East Slavic) and the failure of eventual metathesis of *tort; but the generalization is a weak one, since the “failure of metathesis” in the two cases is of quite different scope (and in East Slavic is contingent on the explanation of polnoglasiye by anaptyxis, rather than by, say, metathesis involving just the second mora of a two-mora vowel, which is in some ways an attractive alternative), and no conclusion about a common motivation seems to follow. But it remains true that the developments in these two peripheral (Northwestern and Eastern) areas are intimately related, in ways which will be considered below.

I wish to suggest that the traditional approach, assigning priority to the central developments and classifying the rest as aberrant, may well be quite backwards; if — in agreement with certain general observations of linguistic geography, and also in line with classic conjectures at least about the origin of the exceptional forms in Old Church Slavonic — we suppose the peripheral data to represent an archaic phase of the overall development, then the motivations of the whole process may become plainer.

Looking at the dominant trend of the evolution of sequences VLC in more flexible and abstract terms than those of § 3, one notes that a net effect of various changes affecting this configuration throughout most of Slavic prehistory was to strengthen the sequential constraints on such sequences, or, in other words, to increase their redundancy. This fact has indeed repeatedly been pointed out in passing in the modern literature of the subject (cf. Jakobson, 1952, Shevelov, 1965), but its systematic consequences do not seem to have been worked out.

Augmentation of the redundancy of VLC can come about in two ways: either (1) some distinct conforming sequences are merged with one another, e.g. as a result of the loss of the Indo-European distinction between *o and *a early in the history of Slavic, or by the above-noted merger of *tort with *turt in the Northwest area much later; or (2) some member sequences are eliminated by virtue of changes yielding reflexes which no longer conform to VLC, i.e. metatheses: disposed of in this fashion are eventually most or all of the original sequences in which V is a so-called “full vowel”, including, possibly as the earliest of all, a relatively few sequences in which this vowel was not *o or *e (cf. Jakobson, 1962, on *ryba*, etc.) and, in the area where a distinction between diffuse vowels (jers) was preserved in this context, also eventually some in which vowels were originally of this kind (cf. Polish *długi*). In either case, the result is to eliminate some realizations of VLC — i.e. some combinations of features which may co-occur with the ones defining this configuration

— and thus to increase its redundancy. (Strictly speaking, if “redundancy” is taken in the well-defined information-theoretic sense, such an increase follows necessarily only in case (1), but not in case (2), since there are probability distributions such that the entropy of a subset of the distribution is greater than that of the distribution as a whole; but it is a reasonable working assumption that the distributions of frequencies involved in the changes here considered were not of this kind. In the nature of the case direct evidence is lacking, though something might be done with statistical analysis of historically accessible data.)

This stepwise process of progressive “impoverishment” of VLC has a logical terminus at the point where its possible realizations of VL in this frame have been reduced to exactly two (excluding possible prosodic differences): say *ur, *ul, corresponding to what seems to be the de facto terminal development in much of Slavic, or *or, *er, corresponding to no known Slavic development. At this point, the configuration per se ceases to exist, in the sense that one of the components of VL is entirely predictable (redundant) given the other one, and a synchronic analysis need recognize only one segment here (e.g., in the de facto example, two kinds of “syllabic liquids”, or in the hypothetical one a pair of “retroflex” vowels; that the actual developments in Slavic proceed, from start to finish, by restricting the realizations of V rather than those of L, is, as previously noted in § 3, a fact which remains in need of explanation). In this terminal stage — which was *not* reached everywhere in Slavic before the fall of the weak jers abolished the whole trend by restoring VLC, so to speak, to good standing as a configuration rich in diverse realizations (after which, it is interesting to note, the above-noted immunity of the liquids to changes affecting these sequences lapses!) — the further fate of the surviving reflexes of VLC is dependent in part on the treatment of LVC when V is a jer, in ways which have often been discussed in the literature and which are outside the scope of the present analysis.

What is less obvious is that the immediately preterminal stage of this process also has a logically determinate form. That is, there is, up to a change of labels, just one way to maximize the redundancy of VL in VLC in terms of fixed constraints; the maximum-redundancy condition holds, namely, if and only if the following implications hold:

$$\begin{aligned} V_i &\text{ implies } L_r \\ L_j &\text{ implies } V_s \end{aligned}$$

where $i, j, r, s = 1, 2$, and either $i \neq j, i = r, j = s$, or $i \neq r, i = j, r = s$.

Under these conditions, V and L each have just two possible realizations, which are, moreover, interdependent in such a way that, for one value of V and one of L (but not for both in either case) the value of the other is determined. It follows that VL is realized altogether in exactly three ways, and, conversely, if VL is realized in three ways (and V, L each have two alternative realizations) the maximum-redundancy condition holds. Any further strengthening of sequential constraints can only yield the "terminal" phase in the sense discussed above.

Now if we examine the "marginal" phenomena of the Slavic liquid-metatheses in relation to the above theoretical model, it appears that the states of language which must have existed in both of the widely separated areas noted, at a period close to the beginning of the documented history, conform closely to the ideal preterminal phase which, moreover, survived intact in Old Russian well up into the historical era (in the likewise peripheral area formed by East Slavic with respect to the rest of Slavic). Thus, on three frontiers of Slavic territory, we find developments which are abstractly alike, though in no two cases is the preterminal condition achieved in just the same way. In the North, however, (as Lehr-Splawinski pointed out) a key preliminary development is shared by the dialects ancestral to Pomeranian-Polabian and to East Slavic, in the merger of front with back vowels in the context C...IC (but not in C...rC). This in effect established the maximum-redundancy condition for each of the configurations CV_1LC and CV_2LC independently, where V_1 is a "full vowel" (*o or *e) and V_2 a "jer" (*u or *i); in each case there were three remaining realizations possible (*tort, *tolt, *tert and *turt, *tult, *tirt, respectively). Subsequently, in East Slavic the "full-vowel" realizations were eliminated by the polnoglasie, leaving just the three reflexes of *turt, *tult, and *tirt, which is the state of affairs reflected in the Old Russian documentation. In the Northwest, the chronology of the merger *tort → *turt (Rozwadowski's law) is indeterminate in relation to the "labialization" rule, but it seems reasonable to suppose that the latter, in view of its greater range, was earlier; in this event the merger *tort → *turt left only two "full vowel" patterns (*tolt, *tert) to be eliminated by metathesis. The end-results for East and Northwest are similar in the way they realize the required system of implications, i.e. in terms of the schema above we have $V_1 = i$, $L_1 = l$, $L_r = r$, $V_s = u$. Historically, some of the instances of *u in the Northwest, but not in the East, reflect earlier *o.

On the Southern fringe, essentially the same result is achieved in a quite different way. Here the changes involved the merger of CVLC sequences

distinguished just by *u: *i (i.e. the two “jers” fall together in this position, which is the state of affairs reflected in Old Church Slavonic and later South Slavic material; in Serbo-Slovene this was part of or possibly prelude to a general merger of jers, in Eastern South Slavic not). The maximum-redundancy state can thus be reached by metathesizing all but one of the “full vowel” sequence-types; the one which was exempted was, obviously, *tolt ($\rightarrow$ *talt by the lengthening before metathesis in this as in other cases). The further generalization of metathesis to *tolt also of course yields the degenerate case as evident in “standard” Old Church Slavonic and almost monolithically in the modern South Slavic and Czechoslovak areas. The preterminal stage has the system of implications required with $V_i = o$, $V_s = u$, $L_r = l$, $L_j = r$.

The different peripheral developments are thus all closely related, not in the usual sense of shared application of specific change rules, but in the abstract sense that all of them constitute alternative solutions to one and the same problem: that of finding a minimum non-degenerate set of realizations of VL in (C) ... C.

5. CONCLUSIONS

The Slavic liquid-metatheses are still far from adequately explained, nor does the present essay purport to resolve all the residual problems. In particular, I have not undertaken to discuss the relation between accent-types (intonations) and the matters considered above. Even at the rather superficial level of specifying the mechanisms of these changes, there are outstanding differences among various proposed accounts, in ways which clearly reflect disparate views about universals of linguistic change. An austere conception of the latter, obliging the comparativist to describe the Slavic developments as simulated rather than as true metatheses, requires their description to operate with constructs which invite skepticism on typological grounds, and hence cast doubt upon the validity of the underlying universal assumption.

In terms of motivation, the “open syllable law” (or any of its variants) seems to be insufficient to explain the observed outcomes, since, on the one hand, it is compatible with a number of solutions which were not in fact adopted, and, in the other direction, it does not — at least when understood in the absolute fashion often tacitly assumed — agree well with some of the evidence, a circumstance which, again, is likely to bring about the introduction of methodological artifacts into accounts of the process in question.

Considering this process to be motivated, broadly speaking, by a tendency to increase the redundancy of the sequential configuration VL in given contexts, it appears on combinatorial grounds that the aforementioned peripheral developments represent states of the system immediately preceding the terminal state which is apparent in the typical (and central) outcomes. This suggests that the peripheral developments should be construed as archaic, rather than deviant, with respect to the central trend. This conclusion is in good agreement with the general observation that in the evolution of linguistic systems, contrary to that of physical systems, time and entropy tend to be inversely related.

UNIVERSITY OF COLORADO

BIBLIOGRAPHY OF WORKS REFERRED TO

- Abernathy, Robert, "Some Theories of Slavic Linguistic Evolution", *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists* (The Hague, 1963), 7-26.
- Бернштейн, С. Б., *Очерк сравнительной грамматики славянских языков* (Москва, 1961).
- Ekblom, R., *Zur Entwicklung der Liquidverbindungen im Slavischen*, I, II (Uppsala-Leipzig, 1927, 1928) (= *Skrifter utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala*, 24:9, 25:4).
- Gebauer, Jan, *Historická mluvnice jazyka českého*, I (Videň, 1894).
- Георгиев, Владимир, "Праславянската фонемна система и ликвидната метатеза", *Славистичен сборник* (София, 1963), 19-31.
- Hoeningwald, Henry M., "Are There Universals of Linguistic Change?" *Universals of Language*, J. H. Greenberg, ed. (Cambridge, Mass., 1963), 23-41.
- , *Language Change and Linguistic Reconstruction* (Chicago, 1960).
- Jakobson, Roman, "Die urslavischen Silben *ūr-*, *ūl-*", *Selected Works*, I (The Hague, 1962), 546-549.
- , "On Slavic Diphthongs Ending in a Liquid", *Word*, 8.4 (1952), 306-310.
- , *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (= *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 2, 1929).
- Joos, Martin, "Description of Language Design", *Journal of the Acoustical Society of America*, 22 (1950), 701-708.
- Коломиец, В. Т., *Взаимодействие фонематической и просодической сфер в истории звуковых изменений славянских языков* (Киев, 1963).
- Lehr-Spławiński, Tadeusz, "O mieszanii prasłowiańskich połączeń *telt z tolt* w językach północno-słowiańskich", *Prace filologiczne*, 15.2 (1932), 345-361.
- , "O tzw. przestawce płynnych w językach słowiańskich", *Rocznik slawistyczny*, 10 (1931), 116-137.
- Mareš, F. V., *The Origin of the Slavic Phonological System and its Development up to the End of Slavic Language Unity* (Ann Arbor, 1965).
- Meillet, Antoine, *Le slave commun* (Paris, 1934).
- Мельничук, О. С. (ред.), *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* (Київ, 1966).

- Osgood, Charles E., and Sebeok, Thomas A., *Psycholinguistics: A Survey of Theory and Research Problems* (Bloomington, 1965).
- Shevelov, George Y., *A Prehistory of Slavic: The Historical Phonology of Common Slavic* (New York, 1965).
- Sørensen, H. C., "Die sogenannte Liquidametathese im Slavischen", *Acta linguistica*, 7.1 (1952).
- Vaillant, André, *Grammaire comparée des langues slaves*, I (Paris, 1950).
- Журавлев, В. К., *Развитие группового сингармонизма в праславянском языке* (Минск, 1963).

ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ИНОЯЗЫЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ В СТРУКТУРНЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ГЕНРИХ БИРНБАУМ

0. Нижеследующие соображения, касающиеся самых, пожалуй, основных, но, на наш взгляд, пока еще недостаточно разработанных проблем старославянского (далее — стсл.) синтаксиса, являются, в известном смысле, продолжением наших предыдущих размышлений о методике выделения синтаксических грецизмов в древнейшем литературном языке славян, размышлений, сообщенных нами еще на 4-ом (московском) Международном съезде славистов в 1958 г.¹ В предлагаемом здесь на обсуждение специалистов докладе мы постараемся ответить на некоторые возражения, сделанные по поводу нашей прежней трактовки этого вопроса,² а также добавить несколько новых наблюдений и мыслей, вызванных, главным образом, недавними попытками применения известных приемов трансформационно-генеративной (порождающей) грамматики к синтаксическим данным стсл. языка с целью обнаружения “заимствованного синтаксиса”.³ Некоторые замечания к этой последней проблеме

¹ Ср. “Zur Aussonderung der syntaktischen Gräzismen im Altkirchenslavischen. Einige methodische Bemerkungen”, *Scsl*, IV (1958), 239-257. См. также *IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии*. Т. 2-ой: *Проблемы славянского языкознания* (далее — *Проблемы*) (Москва, 1962), 250-251 и 277-278.

² Ср. *Проблемы*, 263-267, особенно выступление И. Курца, стр. 265-266. См. также И. Курц, “Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка” в сб. *Исследования по синтаксису старославянского языка* (далее — *Исследования*) (Прага, 1963), 5-14, особенно 6-7 и 12 (с примечаниями 3 и 10 в сносках).

³ Ср. Р. Ружичка, “О понятии ‘заимствованный синтаксис’ в свете теории трансформационной грамматики”, *ВЯ* (1966: 4), 80-96; он же (R. Růžička), “Beziehungen zwischen altslavischer und griechischer Syntax im Lichte der Transformationsgrammatik”, *Wiss. Zschr. d. K.-Marx-Univ. Leipzig*, 15. Jg. (1966), *GRS*, Heft 3, 539-547. См. также в сб. *Славянска филология*, т. I: *Отговори на въпросите за научната анкета по езиковедие* (далее — *СФ, I*) (София, 1963), 136, где тот же ученый намечает возможность трансформационного подхода.

были нами уже сделаны в печатающемся в настоящее время сборнике в честь Б. О. Унбегауна.⁴ Кроме того, хотелось бы еще сказать несколько слов о значении выделения синтаксических грецизмов (и, хотя в гораздо меньшей степени, других попавших извне элементов и конструкций) в стсл., имея в виду возможную реконструкцию правил общеславянских синтаксических структур, т.е. решение одной из задач диахронического славянского языкознания, за последнее время вновь привлечшей к себе немало внимания.⁵ Надо, наконец, подчеркнуть, что так же, как и в случае нашего предыдущего доклада, данное сжатое изложение некоторых наших соображений в рамках краткого доклада никак не может претендовать на систематичность и всесторонность освещения данной темы; наша цель заключается лишь в том, чтобы принять участие в текущей дискуссии о многообещающем, казалось бы, подходе к одному из актуальных вопросов исторического синтаксиса славянских языков.

1. В нашем московском докладе 1958 г. мы пытались разъяснить некоторые основные методические предпосылки успешного выделения синтаксических явлений, попавших в стсл. язык из греческого. Таким образом, мы, прежде всего, обсуждали вопрос об объеме источников стсл. языка, предлагая, что на первом этапе данной исследовательской работы — а речь могла тогда идти только о первом этапе такой работы — целесообразно ограничиться, главным образом, “классическими” текстами т.н. стсл. канона и привлекать варианты позднейших церковнославянских памятников (древнерусского, древнесербского и других изводов) лишь в тех случаях, где чтения параллельных стсл. текстов (т.е., прежде всего, евангелий-апракос и четвероевангелий) расходятся. В связи с этим, мы указывали на существующие иногда трудности определить, представляет ли известный младший — церковнославянский — вариант, более

⁴ См. “On Deep Structure and Loan Syntax in Slavic” (в печати); ср. нижеприведенные выдержки (пункт 5.1.).

⁵ Ср., напр., Я. Бауэр, “Проблема реконструкции праславянского сложного предложения”, *Sb. prací fil. fak. brněnské univ.*, VII, A 6 (1958), 43-55; он же (J. Bauer), “Úkoly a metody rekonstrukce praslovanské syntaxe”, *Československé přednášky pro V. Mezinárodní sjezd slavistů v Sofii* (Прага, 1963), 75-81; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, “К реконструкции праславянского текста”, *Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международном съезде славистов* (Москва, 1963), 88-158; они же, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы* (Москва, 1965), в частности стр. 218-239; В. В. Иванов, *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы* (Москва, 1965), 185-289. См. также наши замечания в СФ I, 89-90.

близкий к способу выражения греческого подлинника, конструкцию первоначального славянского перевода, или же мы имеем здесь дело с позднейшим исправлением славянского текста, быть может после нового сличения с греческим оригиналом (ср., например, проблематику разночтений места Мк. 13, 25 в Зографском, Мариинском и древнесербском Никольском четвероевангелиях).

Признавая нашу работу “очень инициативным вносом к данной теме (sic!)”, крупный чешский ученый-специалист по изучению стсл. языка И. Курц упрекает нас в слишком узком подборе памятников, подлежащих тщательному изучению с целью обнаружения греческих синтаксических образцов, которым подражали славянские переводчики. Курц утверждает, что “нельзя ограничиваться только так называемыми каноническими памятниками” (причем, впрочем, наше определение канона представляется ему слишком узким), и что “в синтаксисе, который и в сравнительно поздних списках часто сохраняет старые черты, мы должны использовать также и поздние памятники старославянского языка”. По мнению Курца, “памятники чешско-церковнославянские, среднеболгарские, хорватско-глаголические и особенно русско-церковнославянские дают очень ценный материал.”⁶ Нам кажется, что чешский ученый переоценивает значение, которое мы придаем — или, скорее, придавали — упомянутому ограничению круга исследуемых памятников. Мы в данный момент имели в виду предварительное ограничение, обусловленное чисто практическими соображениями ввиду казавшейся нам тогда весьма реальной перспективы, что над выделением синтаксических грецизмов в стсл. языке будет работать, возможно, лишь один исследователь, а не целый ряд или даже коллектив ученых. Именно такой точки зрения мы придерживались и в заключительном слове после прений по нашему докладу.⁷

Что касается возможности установить принадлежность известного грецизма к первоначальному переводу (или, наоборот, признать его результатом вторичной правки греческого текста), то мы, конечно, вполне принимаем взгляд Курца, что даже “присутствие определенного грецизма в самых древних текстах не является ручательством

⁶ Ср. *Исследования*, 6 (в сноске) и 7; *Проблемы*, 265.

⁷ Ср. *Проблемы*, 277. Существо разногласий (или недоразумения) между Курцем и нами лучше всего, пожалуй, охарактеризовал Р. Ружичка в монографии о стсл. причастиях, стр. 6 (библиографические данные см. в прим. 28, ниже). Само собой разумеется, что мы очень довольны тем, что начиная с 1958 г. проблема выделения заимствований в синтаксисе стсл. языка привлекает все большее внимание исследователей.

того, что он находился в самом старом переводе.” Это обстоятельство, так же как и случаи обратного явления, т.е. случаи, где позднейший памятник сохранил более близкий к подлиннику перевод (ср. вышеупомянутый пример Мк. 13, 25, а также разночтения места Пс. 106, 10, приведенные Курцем),⁸ определенно показывают, что для полного учета всех синтаксических гречизмов стсл. языка (безотносительно к тому, как в частности определяется круг стсл. памятников) надо привлекать материал из возможно большего количества текстов, в том числе и из церковнославянских текстов позднейших и местных изводов. Таким образом, в состав изучаемых с целью обнаружения синтаксических гречизмов стсл. языка текстов должно, например, входить и такое особенно ценное произведение древнеболгарской переводной литературы, как Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского, сохраненное в списках сербско-церковнославянской и русско-церковнославянской редакций (сводящихся к более древнему среднеболгарскому промежуточному варианту) и доступное теперь в новом прекрасном издании Р. Айтцетмюллера.⁹ В равной мере следует принять во внимание, например, языковой материал разных древних рукописных сборников и “изборников”, особенно русского извода, греческие и/или стсл. подлинники или параллели которых отчасти обнаружены.¹⁰

Надо еще заметить, что учет как можно большего количества памятников стсл. языка, а также текстов, отражающих язык недошедших до нас стсл. произведений, сам по себе дела еще не решает. Как уже неоднократно подчеркивалось, в том числе и нами, для установления попавших извне в стсл. язык синтаксических

⁸ Ср. *Исследования*, 7. Другой, по сравнению с Курцем и нами более оптимистической точки зрения относительно трудностей учета различных вариантов придерживается М. М. Копыленко; ср. *Проблемы*, 265.

⁹ Ср. R. Aitzetmüller, *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes*, I- (Грац, 1958-, издание разбито на 7 томов). В настоящее время нами готовится особое исследование по синтаксису этого памятника.

¹⁰ Имеем в виду, напр., два Изборника Святослава 1073 и 1076 гг., а также Успенский сборник XII в.; ср. новое издание Изборника 1076 г. вместе с греческими параллелями (в той мере, в которой они обнаружены): *Изборник 1076 года* (Москва, 1965). Ср., далее, также, напр., статью о гомилиях в стсл. Супрасльской рукописи и в древнерусском Успенском сборнике (содержащем, впрочем, и оригинальные произведения древнерусской письменности, как, напр., “Сказание о Борисе и Глебе”); ср. Э. Благова, “Гомилии Супрасльского и Успенского сборников”, *Исследования источников по истории русского языка и письменности* (Москва, 1966); о синтаксисе “Сказания” см. нашу статью “Linguistische Beobachtungen an einem altrussischen Text: Einige syntaktische Erscheinungen des *Skazanie* von Boris und Glëb nach der Handschrift des sog. *Uspenskij sbornik*”, *IJSLP*, III (1960), 45-68.

структур нужно также знать, что именно в синтаксическом строе стсл. языка является исконно славянским, т.е. общеславянским, наследием.¹¹ С этой целью придется разобрать синтаксис и таких древних славянских текстов, о которых мы точно знаем, что они не подлежали влиянию стсл. языка или какого-либо местного его церковнославянского варианта. Поэтому изучение таких документов, особенно юридических и деловых, в которых воздействие общего литературного древнеславянского, т.е. церковнославянского, языка не сказывается (или в которых оно ощущается лишь в незначительной мере), чрезвычайно важно для выделения синтаксических грецизмов в стсл. языке. Прежде всего, мы должны здесь учесть правовую, приказную и деловую письменность на древнерусском языке, в том числе грамоты (берестяные и другие), которые в большей степени отражают живую речь раннего периода славянского средневековья. Благодаря, в особенности, тщательным и подробным разысканиям советского языковеда-слависта В. И. Борковского, мы располагаем в настоящее время довольно ясным представлением о синтаксическом строе древнерусских грамот.¹² В дальнейшем мы еще вернемся к вопросу о значении сравнительного изучения синтаксиса стсл. и других древнеславянских языков для установления общеславянского наследия и иноязычных образцов в структурных разновидностях стсл. предложения.

Определив круг стсл. памятников, которые следует учесть при изучении синтаксических грецизмов, мы в предыдущем нашем докладе далее обратили внимание на необходимость различения двух слоев синтаксических грецизмов в стсл. языке: одного, охваты-

¹¹ Ср., напр., *Scsl*, IV (1958), 254-255; *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists* (Гаага, 1964), 1044 (наши замечания в прениях по докладу К. Уоткинса); И. Куриц, *Исследования*, 7-8 (с ссылками в сноске на работы Б. Гавранка и Е. А. Якубинской-Лемберг). Ср., далее, замечания о методическом значении сопоставления синтаксического строя стсл. и других древнеславянских языков в статьях Я. Бауэра, "Старославянский язык и язык жителей Великой Моравии" в сб. *Magna Moravia* (Прага, 1965), 469-492, и "K povaze vlivu cirkevni slovanštiny na staroguskou syntax", *Bull. Ústavu ruského jaz. a lit.*, X (1966), 67-72.

¹² Ср. В. И. Борковский, *Синтаксис древнерусских грамот*, 2 тт. (Львов, 1949 и Москва, 1958); его же, "Синтаксис" в сб. *Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот* (Москва, 1955), 144-166, и его же очерки по синтаксису в издании (подготавливаемом им вместе с А. В. Арциховским) *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953-1954 гг.)* (Москва, 1958), 138-155; *(из раскопок 1955 г.)* (1958), 127-147; *(из раскопок 1956-1957 гг.)* (1963), 275-322 (дальнейшие тома готовятся к печати). Ср. также целый ряд мелких его статей по вопросам синтаксиса берестяных и других древнерусских грамот, в том числе работу "Бессоюзное сложное предложение в берестяных грамотах", *Acta Univ. Carol. — Philologica, Slavica Pragensia*, IV (1962), 275-280.

вающего такие грецизмы, которые лишь усиливают, т.е. активизируют, употребление соответствующих конструкций и оборотов, словосочетаний и целых предложений, возможных по типу своей структуры и в стсл. языке; и другого слоя, где само появление данной синтаксической модели целиком обязано влиянию греческого образца.¹³ Хотя это наше утверждение не вызвало, кажется, никаких принципиальных возражений, однако оно тесно связано со спорной проблемой степени проницаемости (или, иначе, устойчивости) синтаксиса в сравнении с другими уровнями языка, о которой речь будет идти ниже (в связи с дискуссией о поверхностной и глубинной структурах языка).

В последующих двух разделах нашего московского доклада мы старались различить настоящие синтаксические грецизмы и т.н. псевдогрецизмы, т.е. синтаксические явления, попавшие в стсл., правда, из греческого, но восходящие к древнееврейскому и, отчасти, арамейскому языкам. Эти псевдогрецизмы или семитизмы объясняются, как известно, и влиянием полного семитизмами языка греческого перевода Ветхого завета (т.н. Септуагинта) на греческий подлинник Нового завета, особенно в дословных цитатах из Ветхого завета, и, с другой стороны, воздействием живой арамейской речи на греческое койне Нового завета, в частности на язык трех “синоптических” евангелий. Среди настоящих грецизмов следует, опять-таки, провести грань между литературными грецизмами, проникшими в стсл. текст в результате более или менее рабского подражания употреблению известной формы или конструкции в греческом оригинале, и, с другой стороны, такими грецизмами, или, скорее, византизмами, появление которых обусловлено двуязычной (греко-славянской) средой, в которой возникла древнейшая славянская письменность. Семитизмы памятников стсл. языка и, особенно, позднейших церковнославянских (восточнославянских) библейских переводов привлекают в настоящее время особое внимание исследователей; ср. в частности новейшие работы М. Альтбауэра по данному предмету.¹⁴ Синтаксические византизмы стсл. языка обсуждались за последнее время часто в связи с

¹³ Ср. *Scsl* IV (1958), 244-246; *Scsl* VIII (1962), 119-120 (в сноске); *СФ* I, 128.

¹⁴ Ср. М. Altbauer, “O technice przekładowej Szymona Budnego”, *Studia językoznawcze poświęcone ... S. Rospondowi* (Вроцлав, 1966), 85-96; его же статья “O niezauważonym słowiańskim *dativus auctoris*” (в печати). См. также наши соответствующие рассуждения в статье в печатающемся сборнике в честь Б. О. Унбегауна.

первыми проявлениями т.н. балканизмов в южнославянских языках.¹⁵

Признавая целесообразность различения настоящих синтаксических грецизмов в стсл. языке и псевдогрецизмов, в том числе особенно семитизмов, И. Курц, однако, не соглашается, видимо, с нашим мнением, что употребление настоящего времени перфективных глаголов в повелительной функции, т.е. вместо императива (тип *ne přeljubu sǎvoriši*), является как раз примером такого семитизма (точнее, гебраизма). Таким образом, Курц в прениях по нашему докладу утверждал, будто “такие конструкции вполне возможны и с точки зрения славянского синтаксиса”, что на наш взгляд по крайней мере весьма сомнительно.¹⁶ Впоследствии чешский ученый пытался несколько смягчить свое утверждение, но его соответствующая формулировка нам не вполне ясна.¹⁷ Совсем другое дело, конечно, что хорошо известное случайное употребление форм, обозначающих, как правило, будущее время (например, славянского перфективного презенса) в смысле повеления возможно во многих языках. Однако, точное ограничение данного явления в стсл. памятниках ветхозаветными цитатами — в отличие от высказываний, приписываемых Иисусу — слишком показательно для того, чтобы им пренебречь.

В остальной части наших предыдущих рассуждений о методике выделения синтаксических грецизмов в стсл. языке мы обсуждали, главным образом, современный кризис в самой методике сравнительно-исторического изучения синтаксиса, т.е., прежде всего, в

¹⁵ Ср. *СФ* I, 316-321; Я. Седлачек (J. Sedláček), “Синтаксис старославянского языка в свете балканистики”, *Slavia*, XXXII (1963), 385-394; Н. Birnbaum, “Balkan-slavisch und Südslavisch. Zur Reichweite der Balkanismen im südslavischen Sprachraum”, *ZfBalk*, III (1965), 12-63, особенно 31-38; см. также В. Koneski, В. Vidoeski, О. Jašar-Nasteva, *Distribution des balkanismes en macédonien* (Скопье, 1966), 4.

¹⁶ Ср. *Проблемы*, 266, и наш ответ там же, 278. Ср., далее, также наши *Untersuchungen zu den Zukunftsumschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen* (Стокгольм, 1958), 19 и библиографические ссылки в прим. 32 на стр. 284-285. Древнечешские формы типа *nebiješ*, встречающиеся, главным образом, в некоторых библейских текстах, нельзя, на наш взгляд, привести в пользу автохтонного (славянского) происхождения данной конструкции.

¹⁷ Ср. *Исследования*, 12, где речь идет о псевдогрецизмах-семитизмах, с прим. 10 (в сноске), где указывается на то, “что и здесь — как в случаях настоящих грецизмов — могут быть разного рода силы влияния, и что и здесь нужно считаться с возможностью простого усиления (видимо так, вместо опечатки, Г. Б.) явления в славянском языке легко допустимого (это видно на примере Бирнбаума настоящего времени перф. глаголов в смысле будущего [sic!])”. Последняя часть приведенного здесь замечания нам непонятна; кажется, вместо “будущего” должно быть “императива” (или “повелительного наклонения”).

совокупности приемов, применяемых к данным древних языков, в том числе стсл. языка, а также других славянских языков старшего периода.¹⁸ Впоследствии нам представился лишний случай приступить, но уже более детально, к недостаткам современного сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков в сборнике ответов на научную анкету по поводу 5-ого (софийского) Международного съезда славистов в 1963 г.¹⁹ После обсуждения общих принципов методики исторического синтаксиса мы в дальнейшем обратились к более специальным вопросам методики выделения синтаксических заимствований, причем отправной точкой послужила нам содержательная статья советской лингвистики В. Н. Ярцевой о методах выделения заимствованных элементов при реконструкции синтаксиса языка-основы ряда родственных (или даже близкородственных, как, например, славянских) языков.²⁰ Несмотря на то, что методические принципы Ярцевой только отчасти и условно применимы к выделению синтаксических грецизмов в стсл. языке и, следовательно, к реконструкции праславянского синтаксического строя, ее соображения тем не менее весьма полезны для обсуждения методики интересующего нас здесь вопроса. В этой связи приятно упомянуть, что В. Н. Ярцева, принявшая участие в прениях по нашему московскому докладу, была, кажется, вполне согласна с нашими оговорками относительно применимости некоторых ее положений к синтаксическим данным стсл. языка.²¹

2. До сих пор речь шла только в самых общих чертах о предпосылках и методах успешного выделения разного рода синтаксических грецизмов в стсл. языке, причем мы пытались резюмировать основные наши положения в том виде, в каком они были сформулированы нами в докладе 1958 г., а также добавить несколько комментариев по поводу некоторых отчасти критических замечаний, вызванных нашими тогдашними соображениями. Возникает, однако, вопрос, достаточно ли для установления иноязычных образцов в синтаксическом строе стсл. языка обнаружить лишь грецизмы (включая, правда, и псевдогрецизмы-семитизмы). Не следует ли

¹⁸ Ср. *Scsl* IV (1958), 250-252; ср., далее, и наши *Untersuchungen ...*, 11-14.

¹⁹ Ср. *СФ* I, 88-91.

²⁰ Ср. *Scsl* IV (1958), 253-256; В. Н. Ярцева, "Проблема выделения заимствованных элементов при реконструкции сравнительно-исторического синтаксиса родственных языков", *ВЯ* (1956: 6), 3-14. См., далее, также наши *Untersuchungen ...*, 14.

²¹ См. *Проблемы*, 263-264; ср., впрочем, там же, 250-251.

считаться с возможным влиянием других языков на структурные разновидности стсл. предложения? Как известно, кроме переводов с греческого языка и довольно скромной, надо сказать, оригинальной письменности на стсл. языке, придерживающейся, между прочим, стилистических и синтаксических образцов современной ей византийской литературы, некоторые дошедшие до нас стсл. тексты или, точнее, отрывки и определенные отрезки текстов являются переводами не с греческого, а с латыни, а также с древневерхненемецкого. Эти памятники принадлежат самому древнейшему, т.е. моравско-паннонскому, периоду стсл. письменности. Мы имеем в виду, прежде всего, Киевские листки, восходящие, как известно, к латинскому подлиннику;²² далее, некоторые отделы Синайского требника, переведены с древневерхненемецкого и, кажется, латинского языков,²³ не говоря уже о Фрейзингенских отрывках, частично (Фрейз. I и III) переведенных с древневерхненемецкого, частично (Фрейз. II), вероятно, отражающих древний стсл., именно глаголический, подлинник, причем принадлежность данного памятника в целом к кругу текстов собственно стсл., даже в широком (т.е. выходящем за рамки македоно-болгарского языкового типа) смысле, не является еще вполне неоспоримой;²⁴ а также некоторые другие. Однако, несмотря на наличие определенных синтаксических латинизмов и германизмов в упомянутых источниках древне-

²² Ср. последнюю попытку реконструкции латинского оригинала Киевских листков в приложении к статье К. Гамбера в сб. *Cyrillo-Methodiana. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven* (Кельн-Грац, 1964), 367-371.

²³ Так, определено, лл. 72а-73а, восходящие к древневерхненемеckому источнику, и лл. 102а-105б, соответствующие, возможно, латинскому оригиналу, а также, может быть, некоторые другие разделы Синайского требника (источники которых еще не найдены); ср. в изданиях этого памятника: J. Fřček, *Euchologium Sinaiticum (Suite). Texte slave avec sources grecques et traduction française* (Париж, 1939) (= *Patr. Orient.*, XXV, 3), 498-503, 587-596; R. Nahtigal, *Euchologium Sinaiticum. Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik*, ч. II (Люблина, 1942), 208-216, 319-330.

²⁴ Относительно языка и происхождения Фрейзингенских отрывков см., главным образом, А. V. Isačenko, *Jazyk a původ Frizinských Pamiatok (Sprache und Herkunft der Freisinger Denkmäler)* (Братислава, 1943); для реконструкции древневерхненемецких подлинников отрывков Фрейз. I и Фрейз. III, ср. стр. 19-22, для попытки восстановления глаголического оригинала отрывка Фрейз. II (*Adhortatio*), ср. стр. 73-78; о синтаксисе данного памятника см. там же, 31-39. См. теперь также А. Vaillant, *Зборник за фил. и лингв.*, IX (1966), 9 (в статье "Le vieux slave occidental"). С другой стороны, заслуживает внимания, что, напр., крупный советский славист А. М. Селищев придерживался мнения, что "сохранившиеся три словинских текста в Фрейзингенской латинской рукописи конца X-начала XI в. не находились в связи с языком старославянских памятников"; ср. его *Старославянский язык*, ч. I (Москва, 1951), 81.

славянской письменности, мы склоняемся к мнению, что нельзя говорить о настоящих синтаксических заимствованиях, проникших в стсл. язык в целом из латинского или древневерхненемецкого языков. Таким образом, мы вполне сходимся с Я. Бауэром, согласно которому “латынь не могла иметь более глубокого влияния на употребление стсл. синтаксических средств и, в крайнем случае, послужила лишь толчком к выбору подходящих, самостоятельно реализованных конструкций.”²⁵ Приблизительно тоже самое можно, впрочем, сказать не только о незначительных германизмах, но и о псевдогрецизмах-семитизмах, так и не вошедших в собственно синтаксический строй (глубинную структуру) стсл. языка (см. ниже).

Наилучшим доказательством чуждости и несвойственности латинизмов, германизмов и семитизмов собственно синтаксическому строю стсл. языка является, пожалуй, тот факт, что их, по-видимому, нельзя обнаружить как раз вне тех стсл. текстов, которые непосредственно переведены с латинского или древневерхненемецкого или, в случае псевдогрецизмов-семитизмов, вне цитатов из Ветхого завета, связанных, пусть опосредованно, с соответствующими семитскими подлинниками. Что касается, с другой стороны, настоящих грецизмов, т.е. литературных явлений, заимствованных из греческого койне, и живых византизмов, то их можно встретить не только в стсл. памятниках, переведенных с греческого (где их, разумеется, особенно много), но также и в оригинальных произведениях стсл. письменности, какими мы считаем, например, т.н. паннонские Жития свв. Константина и Мефодия, и, до известной степени, по-видимому, даже в немногочисленных стсл. переводах с других языков чем греческий.²⁶ Таким образом, вопрос об иноязычных синтаксических образцах и моделях, проникших в строй стсл. языка, и, следовательно, вопрос о возможности восстановления общеславянского наследия, как оно, хотя бы в скрытом или смешанном виде, сохранилось в структурных разновидностях стсл. пред-

²⁵ Ср. сб. *Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě* (Прага, 1958), 82-83 (в докладе Я. Бауэра, “Vliv řečtiny a latiny na vývoj syntaktické stavby slovanských jazyků”).

²⁶ Ср. наши замечания о потенциально особом значении Киевских листков (в случае обнаружения в них синтаксических грецизмов), *Scsl* IV (1958), 243-244. О синтаксисе Жития св. Мефодия ср. нашу статью “Zur Sprache der Methodvita”, *Cyrillo-Methodiana*, 329-361; об оригинальности названного памятника (против мнения Ф. Томшича и др., будто Житие Мефодия является переводом греческого оригинала) и к объяснению наличия в нем фразеологических и синтаксических грецизмов см. в частности стр. 330-332 и 360.

ложения, сводится, на самом деле, к возможно более четкому выделению настоящих синтаксических грецизмов в стсл. языке. Одним из приемов, условно применимых к такому выделению, за последнее время оказалось требуемое современной лингвистической теорией строгое разграничение между т.н. поверхностной и глубоинной (или даже, как мы предпочитаем полагать, несколькими глубинными) структурами языка. В этой связи надо, однако, не упускать из виду, что невозможность непосредственной, полной интуитивной проверки фактов, в том числе всех мыслимых трансформаций, стсл., как “мертвого”, языка сильно ограничивает применимость данного подхода (см. подробнее ниже).²⁷

3. При изучении синтаксических структур любого языка целесообразно исходить из предложения — простого, осложненного и (сочинительно, как и подчинительно) сложного — как основной единицы лингвистического анализа. Как мы постараемся показать ниже, с специфической целью рекомендуется даже не исходить из предложения как такового, а скорее из совокупности правил, при помощи которых порождаются разного рода предложения. С другой стороны, мы не разделяем мнение тех ученых, которые считают, что порождающая модель языка должна быть единственно допустимым подходом к изучению синтаксиса. Три (или, если угодно, четыре) названных главных разновидности стсл. предложения не нуждаются здесь в дальнейшем определении, ибо они общеприняты, в особенности в славянском языкознании. Все же, достойно, кажется, упоминания, что предложение осложненное т.н. обособленными оборотами (как, например, дательным самостоятельным и другими причастными конструкциями, а также разного рода инфинитивными словосочетаниями) в стсл. языке весьма хорошо представлено, что в значительной мере объясняется влиянием греческих образцов, причем используются, разумеется, морфологические средства, имеющиеся в распоряжении самого стсл.

²⁷ Проблема интуитивной проверки сводится, в основном, к вопросу о грамматической правильности или неправильности, а также о различных степенях правильности как засвидетельствованных, так и потенциально допустимых синтаксических структур “мертвого” языка. Вышесказанное о невозможности интуитивной проверки стсл. фактов не следует, однако, понимать, как будто интуитивная интерпретация структурных разновидностей стсл. языка совершенно исключена. Это, конечно, не так; есть, наоборот, многие случаи, где мы с уверенностью можем определить, правильна ли данная конструкция с точки зрения стсл. синтаксиса.

языка.²⁸ Условную пользу применения нового трансформационно-генеративного подхода к проблеме выделения или, точнее, различения разного рода (разной “глубины”) синтаксических грецизмов мы попытаемся продемонстрировать на примере именно этих т.н. обособленных оборотов стсл. языка, следуя в этом отношении, в значительной мере, за наблюдениями и соображениями Р. Ружички (см. ниже).

3.1. Начнем с простого предложения. В докладе, представленном на симпозиуме в 1966 г., состоявшемся в г. Брно и посвященном вопросам структурных типов славянского предложения и их развития, Ч. Бартуля, характеризуя в общих чертах и классифицируя синтагматические структуры (т.е. словосочетания: подлежащее — сказуемое, сочетания других членов предложения и т.д.), входящие в состав простого предложения в стсл. языке,²⁹ пришел к заключению, что набор основных структур простого предложения, как оно

²⁸ Причастным конструкциям стсл. языка и их отношению к греческим соответствиям посвящено два недавних специальных исследования: R. Večerka, *Syntax aktivních participií v staroslověnětině* (Прага, 1961) и R. Růžička, *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen* (Берлин, 1963); ср. также статью Р. Ружички, “Struktur und Echtheit des altslavischen dativus absolutus”, *ZfSl*, VI (1961), 588-596. О трансформационно-генеративном подходе к инфинитивным предикативным словосочетаниям стсл. языка (винительный плюс инфинитив и дательный плюс инфинитив), обсуждаемым Ружичкой, см. ниже.

²⁹ Ср. Cz. Bartula, “Uwagi o zasobie struktur zdania pojedynczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim (Przyczynek do składni prasłowiańskiej i składni porównawczej języków słowiańskich)” в сб. *Strukturalni typy slovanské věty a jejich vývoj. Materiály pro syntaktické symposium, Brno 19-23. X. 1966* (Брно, 1966), 11 стр., предварительное издание. Краткий очерк построения простого предложения в стсл. языке дан Бартулей также в пособии по стсл. языку; см. T. Lehr-Splawiński, Cz. Bartula, *Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym*, 4-ое изд. (Вроцлав-Краков, 1959), 102-122. Стсл. словосочетания, обозначающие синтагматическую связь управления, были исследованы тем же ученым в особой монографии *Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego* (Вроцлав-Варшава-Краков, 1964); та же самая проблематика была изучена почти одновременно, хотя с несколько иным подходом, и другим специалистом по стсл. синтаксису; ср. A. Sjöberg, *Synonymous Use of Synthetical and Analytical Rection in Old Church Slavonic Verbs* (Стокгольм-Гетеборг-Упсала, 1964). О предикативных словосочетаниях-предложениях с именным или связочно-именным сказуемым в стсл. языке ср., среди новейших работ, статью Р. Вечерки, “K problematice vět s jmenným a sponově jmenným přísudkem v staroslověnětině” в вышеупомянутом сборнике докладов (Брно, 1966). Здесь, конечно, неуместно перечислять целый ряд других ценных работ по вопросам синтаксических функций и семантических оттенков отдельных морфологических категорий и частей речи, по проблемам построения особых синтагм в рамках простого предложения стсл. языка и т.д., вышедших в свет за истекшие годы.

представлено соответствующими синтаксическими разновидностями засвидетельствованными стсл. языком, более или менее точно отражает состояние возможных типов простого предложения позднего периода праславянской (или общеславянской) эпохи, причем, в частности, остается определить архаизмы, сохраненные лишь стсл. синтаксическим строем, или, наоборот, в известных случаях, сохранившиеся в других древнеславянских языках (главным образом, в древнерусском, древнечешском или дренвепольском), но случайно или закономерно утраченные языком стсл. текстов. Далее, следует определить именно такие, встречающиеся в рамках стсл. простого предложения структуры, которые характерны преимущественно для южнославянских языков, т.е. отражают известное особое развитие общего синтаксического строя праславянской эпохи, но не обязательно обусловлены общими тенденциями позднейшего развития балканских (в узком, лингвистическом смысле) языков, в том числе болгарского и македонского, о котором шла речь выше, и т.д. Бартуля в своем очерке, имеющем лишь предварительный характер, вполне отдает себе отчет в том, что его общие наблюдения и соображения нуждаются в дальнейших уточнениях, дополнениях и, по всей вероятности, модификациях. Тем не менее, правильность главного его вывода об общем совпадении состава основных структурных разновидностей простого предложения стсл. языка с соответствующим общеславянским составом синтаксических структур позднепраславянского периода кажется нам вне всякого сомнения, так как этот вывод подтверждается сравнением с засвидетельствованными разновидностями структур простого предложения других древних славянских языков, в том числе, в частности, и древнерусского подлинного (восточнославянского) типа.³⁰ Особенно важными для обсуждаемой здесь проблемы являются, на наш взгляд, заключительные замечания польского ученого по данному вопросу, которые мы, поэтому, цитируем дословно:

³⁰ Кроме ссылки на книгу Т. П. Ломтева, *Очерки по историческому синтаксису русского языка* (Москва, 1956) — ср. прим. 5 в статье Бартули — польский ученый мог бы найти гораздо более убедительный материал, подтверждающий его наблюдения о “засвидетельствовании представленных (в стсл. языке, Г.Б.) типов и разновидностей словосочетаний” (ср. стр. 7 предварительного издания) в памятниках других древнеславянских языков, в том числе особенно древнерусских, обратившись к работам В. И. Борковского, в частности к 1-ому тому его *Синтаксиса древнерусских грамот* (ср. прим. 12 выше), в котором как раз трактуется о простом предложении исконно древнерусского (древневосточнославянского) языка, его членах и словосочетаниях.

Wydaje się, że w obrębie zdania pojedynczego wyraźnych struktur obcych i struktur sztucznych, nie mających oparcia w systemie słowiańskim, nie wiele się znajdzie. — Często podkreśla się słusznie stylizowany charakter języka scs., wzorowanego na tekstach greckich. Fakt ten jednak nie powinien odstraszać od podejmowania prób analizy językoznawczej podstawowego systemu słowiańskiego, zawartego w tym języku. Spod bogatej szaty artystycznego przekładu pełnego synonimicznych środków stylistycznych można i należy wydobyć to, co jest podstawową strukturą językową, w tym także strukturą syntaktyczną.³¹

Мы, разумеется, не должны особенно удивляться тому, что среди многочисленных, в общем, синтаксических грецизмов в стсл. языке число тех, которые приходится на долю простого предложения, довольно ограничено. Тем не менее, существуют, как известно, и такие грецизмы: впрочем, мы пытались это отчасти показать еще в нашем московском докладе, а также в труде о формах описательного будущего в стсл. языке и в некоторых других наших работах.³² Сюда мы должны отнести, прежде всего, попытки выразить славянскими языковыми средствами известные функции, присущие соответствующим формам и конструкциям греческого оригинала. Примерами таких “функциональных” грецизмов могут служить упомянутое нами ранее употребление перфективного презенса в функции императива, употребление формы местоимения *iže* (как правило, в форме среднего рода: *ježe*) с инфинитивом в подражание возможной в греческом языке субстантивации путем сочетания определенного члена с инфинитивом,³³ разного рода описательные формы времен и способов действия (например, полуграмматикализированное употребление перифраз с вспомогательными глаголами и инфинитивом для обозначения будущего времени разных модальных оттенков, а также для передачи оттенка начинательного действия; связочные конструкции с причастиями и даже отглагольными прилагательными для выражения продолжительного действия и т.п.), употребление множественного числа (наряду с единственным) не-

³¹ Ср. указ. соч. (стр. 10 предварительного издания).

³² Кроме цитированных уже работ ср. также наши статьи “Zum analytischen Ausdruck der Zukunft im Altkirchenslavischen”, *ZfslPh*, XXV (1956), 1-7 (о сочетаниях типа *bođę* с причастием или отглагольным прилагательным); “Zum periphrastischen Futurum im Gotischen und Altkirchenslavischen”, *Byszl*, XVIII (1957), 77-81.

³³ Кроме ранее приведенных нами примеров (см. *Scsl* IV, 1958, 245) ср., напр., Мк. 9, 10 *ѣто jestъ ježe izъ mръtvуxъ vъskръsnęti* = τί ἐστιν τὸ ἐκ νεκρῶν ἀναστῆναι; Мк. 12, 33 *i ježe ljubiti* = καὶ τὸ ἀγαπᾶν.